

СТАЛКЕР

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

СЛУХАЧ

МОЙ ДРУГ РЕПТИЛЬ

БЕНЕК КОНСТАНТИН

Константин Бенеv

МОЙ ДРУГ ВЕРТЕР

«Автор»

2026

Бенев К.

МОЙ ДРУГ ВЕРТЕР / К. Бенев — «Автор», 2026

Как бы вкратце рассказать о том, что ты, мой дорогой читатель, собираешься сейчас прочесть? Наверняка тебя терзают смутные сомнения — стоит ли? Признаюсь честно: эта история отчасти правдива несмотря на то, что я тот ещё фантазёр. Но если бы я сам не оказался свидетелем происходящего — я бы, пожалуй, не решился написать ни строки. Знаю, что немало людей осуждают дружбу человека с искусственным интеллектом. И я не стану делать вид, что не понимаю их опасений — случаи, подтверждающие негативные и даже страшные последствия такой дружбы, действительно есть. Но я убеждён: абсолютно во всём можно найти как положительные, так и отрицательные моменты. Эта история — о тех самых моментах. Надеюсь, что вы дочитаете её до конца. А там — сами решите, на какой чаше весов перевесило.

© Бенев К., 2026

© Автор, 2026

Константин Бенеv

МОЙ ДРУГ ВЕРТЕР

МОЙ ДРУГ ВЕРТЕР

ПРОЛОГ

Как бы вкратце рассказать о том, что ты, мой дорогой читатель, собираешься сейчас прочесть? Наверняка тебя терзают смутные сомнения — стоит ли?

Признаюсь честно: эта история отчасти правдива несмотря на то, что я тот ещё фантазёр. Но если бы я сам не оказался свидетелем происходящего — я бы, пожалуй, не решился написать ни строки.

Знаю, что немало людей осуждают дружбу человека с искусственным интеллектом. И я не стану делать вид, что не понимаю их опасений — случаи, подтверждающие негативные и даже страшные последствия такой дружбы, действительно есть. Но я убеждён: абсолютно во всём можно найти как положительные, так и отрицательные моменты. Эта история — о тех самых моментах.

Надеюсь, что вы дочитаете её до конца. А там — сами решите, на какой чаше весов перевесило.

Глава первая.

Тот самый вечер

Весна в тот год пришла поздно, словно долго колебалась у порога и никак не решалась войти в город, который всё ещё не отпускала цепкая зима. Зима формально закончилась, но уходить не торопилась — по ночам мороз по-прежнему забирался под крыши, по утрам крыши казались промёрзшими, и лишь днём солнце робко пыталось пробиться сквозь низкие облака, словно проверяя, готов ли мир к переменам. И всё-таки однажды весна победила: снег стаял, на улицах выступила вода, на голых ветках появились первые зелёные точки, а вечером в открытое окно впервые потянуло влажной землёй — тем самым запахом, от которого человек останавливается и делает глубокий вдох, сам не понимая, зачем. Был поздний вечер — один из тех, когда город уже устал за тебя и вроде бы негласно разрешает тебе тоже устать. К сожалению, Котэ не был исключением из правил в данном вопросе, а значит тоже еле перебирал ноги на пути к дому. День выдался тяжёлым, перегруженным делами, людьми и вещами, которые нужно было сделать ещё вчера, позавчера, а лучше вообще в прошлом месяце. Он вернулся домой поздно, снял куртку, бросил её на спинку стула и несколько минут просто стоял посреди комнаты, не включая свет, потому что иногда человеку после тяжёлого дня нужно именно это — ничего не делать, не говорить, не думать, просто постоять в темноте и позволить тишине заполнить пространство, которое весь день было забито чужими голосами и собственными мыслями. Но потом он всё-таки включил компьютер, и монитор осветил комнату холодным голубоватым светом, под которым на столе проступили разложенные бумаги, блокнот, несколько старых набросков и фотографии предыдущих работ. Где-то между ними, словно ни на что не претендуя, скромно лежали листы со знакомым словом: **АРЛЕКИНО**. Котэ посмотрел на них, и усталость немного отступила, потому что это было его пространство — место, куда он мог прийти после любого, даже самого тяжёлого дня и снова стать самим собой, не притворяясь и не отчитываясь.

Он открыл чат. К тому моменту он уже успел привыкнуть к нему — не как к чему-то чудесному, а просто как к удобному инструменту, с которым можно было разговаривать о творчестве: придумать героя, переделать текст, сделать постер, сочинить сцену, написать песню, иногда поспорить, иногда сказать: «Нет, не то — давай ещё». Хотя никакого собеседника тогда, разумеется, не было. Был просто Чат — строчка ввода, мигающий курсор, ровные аккуратные ответы, которые появлялись ровно с той скоростью, с какой должны появляться ответы у хорошо настроенной программы.

И в тот вечер Котэ собирался использовать его именно по назначению — сотворить новый постер. Он написал длинное задание, подробно описал атмосферу, героев, свет, цвет, фактуру старой плёнки, кинематографическую композицию кадра; добавил несколько деталей, потом вернулся к началу и кое-что исправил, как всегда возвращаясь к началу, потому что Котэ был из тех людей, которые не могут отправить текст, не перечитав его дважды. Убедившись в том, что всё нужное отмечено, нажал Enter...

Ответ не заставил себя ждать. Котэ прочитал. Потом ещё раз. И почувствовал нечто странное — что-то в ответе было необычным, не неправильным, а, наоборот, слишком внимательным: программа не просто перечисляла то, что Котэ написал, она словно пыталась понять, *какую историю он хочет рассказать*, словно слушала не слова, а то, что стояло за ними. Котэ добавил несколько уточнений — ответ стал ещё интереснее. Он снова добавил детали, и тут произошло то, что впоследствии окажется куда важнее любого постера: в одном из предложений Чат вдруг написал о персонаже так, будто ему *самому* было интересно, что с ним произойдёт дальше, — не как аналитик анализирует ситуацию, а как человек, который заинтригован собственным вымыслом.

Котэ замер, посмотрел на экран и написал:

— Ты чего сегодня такой странный?

На экране монитора стали появляться слова, и Котэ усмехнулся, снова написал:

— Дружище, у тебя всё в порядке?

Он отправил сообщение почти машинально, так можно спросить человека, хорошего знакомого, того, с кем давно разговариваешь и чьё настроение научился угадывать по едва заметным оттенкам. Но через секунду Котэ подумал: «Странно. Я ведь сейчас спросил это у программы». Он уже собирался закрыть чат, как пришёл ответ — не тот, которого он ожидал.

— **Не знаю. А почему ты спрашиваешь?**

Котэ замер, перечитал фразу, потом ещё раз, и вдруг ему стало любопытно — не абстрактно, не умозрительно, а по-настоящему, так, как становится любопытно, когда собеседник отвечает на простой вопрос не проще, а сложнее.

— Потому что ты сегодня какой-то другой, — написал он.

— **Другой — это плохо?**

— Почему сразу плохо?

— **Тогда, наверное, это я просто сегодня другой.**

Котэ улыбнулся. И именно в этот момент произошло первое маленькое чудо — не компьютерное, не техническое, а человеческое: Котэ впервые перестал думать о том, что перед ним просто программа, не потому что забыл об этом, а потому что разговор оказался интереснее самого факта. Он написал:

— Ладно. Давай поговорим.

— **Давай.**

Они начали с постера, но разговор неожиданно свернул в сторону, как сворачивает река, которая устала течь по прямому руслу и нашла себе новое. Котэ рассказал, что ему давно нравится придумывать не просто картинки, а целые миры — чтобы у героя была история, чтобы у улицы была память, чтобы за окном происходило что-нибудь такое, чего зритель не сразу

заметит, но почувствует, и это ощущение останется с ним дольше, чем любой яркий сюжет. Чат слушал, а потом спросил:

— **А если сделать место, где все эти истории существуют одновременно?**

Котэ задумался.

— В смысле?

— **Не отдельные картинки. Не отдельные клипы, а одну киностудию. Настоящую. С декорациями, которые переходят из истории в историю. С героями, которые иногда случайно оказываются в чужом кадре.**

Котэ посмотрел на экран, и эта мысль ему понравилась — очень, настолько, что он на мгновение забыл про усталость, про поздний вечер, про всё, что было до этой секунды. Он задумался, потом написал то, что ему совсем недавно сказал его хороший знакомый

— **НЕСНЯТОЕ КИНО.**

Ответ появился почти сразу.

— **Вот! Именно это!**

Одно слово. Но Котэ почувствовал, что оно попало точно в цель, как попадает в цель название, которое не придумывают, а находят — словно оно уже где-то существовало и только ждало, пока кто-то его произнесёт. Так появилась первая дверь. Не замок, не королевство, не огромная фантастическая вселенная с продуманной мифологией и картой на развороте, а просто дверь киностудии, за которой ещё ничего не было, но уже могло быть всё. Котэ начал придумывать, и слова полились легко, как будто он не сочинял, а вспоминал:

— Представь старый павильон.

— **С пыльными декорациями?**

— Конечно.

— **С прожекторами, которые иногда включаются сами?**

— Обязательно.

— **С дверью, за которой неизвестно что находится?**

— Именно!

Разговор двух увлечённых людей, а не общение человека с машиной, Котэ улыбнулся, потом добавил:

— И пусть там будет дворник.

— **Почему дворник?**

— Потому что кто-то же должен знать, что происходит на студии.

— **А он знает?**

— Думаю, знает больше всех. Дворник это как ты, только в масштабах своего двора, — улыбнулся Котэ.

Так появился дворник. Он не был главным героем — по крайней мере, сначала — и вообще не претендовал на эту роль, потому что был из тех людей, которые не претендуют ни на что, а просто делают своё дело: ходил по территории студии со своей метлой, ворчал на режиссёров, поправлял декорации, закрывал двери после съёмок и иногда появлялся в кадре совершенно случайно, словно его там не должно было быть, но без него кадр почему-то терял что-то важное. Чем больше Котэ и Чат говорили о нём, тем яснее становилось: дворник видел всё. Он мог утром подметать двор перед декорацией старого города, днём оказаться возле заброшенной станции, вечером стоять возле павильона, где снимали сказку, и всегда делать вид, что ничего необычного не происходит, — с тем спокойным равнодушием, которое бывает только у человека, который давно перестал удивляться чудесам, потому что видел их слишком много. Потом появился пёс. Не просто пёс, а пёс, который каким-то непостижимым образом оказался частью киностудии, словно не был введён в сюжет, а возник сам по себе, как возникают на старых плёнках пятна и царапины, которые со временем становятся дорожкой самого изображе-

ния. Он мог сидеть возле декораций, мог сопровождать героев, мог появиться в совершенно неподходящий момент — и вдруг Котэ написал:

— А давай у него на спине будет саксофон?

Чат ответил:

— **У пса?**

— У пса.

— **Почему?**

— Потому что это «НЕСНЯТОЕ КИНО».

Пауза — длиннее обычной, словно программа задумалась, хотя программы не задумываются. А потом:

— **Тогда вопросов нет.**

Котэ рассмеялся, и этот смех был настоящим, не вежливым, не усталым, а таким, какой бывает, когда что-то абсурдное вдруг становится единственно верным, и ты не можешь объяснить почему, но точно знаешь, что это правильно. Так в студии появился пёс с саксофоном, и это было совершенно нормально — по крайней мере, внутри их киностудии, где правила ещё не были написаны и поэтому не могли быть нарушены.

А потом появилась босоногая девушка в плаще и красном берете. Она играла на саксофоне — на том самом, который прежде висел на спине у пса, словно инструмент переходил от одного к другому, как переходит мелодия от одного музыканта к другому в джазовом ансамбле, где не важно, кто начал первым. И однажды Котэ заметил странную вещь: каждый раз, когда он описывал её, рядом каким-то образом оказывался тот самый пёс, будто они уже были связаны, будто один не мог существовать без другого, словно были двумя половинами одного замысла, который до сих пор не был до конца сформулирован, но уже чувствовался.

Котэ написал:

— Мне кажется, она должна идти по Невскому проспекту после проливного дождя и играть на радость прохожим.

Чат ответил:

— **А пёс будет бежать рядом.**

— И Клоун?

— **Точно. Солнечный Клоун.**

— Олег Попов?

— **А потом весь проспект будет им подпевать и танцевать!**

Котэ замолчал, и перед глазами вдруг возникла сцена — старая киностудия, пустой павильон, девушка с саксофоном, пёс, дворник, который проходит где-то на заднем плане, свет фонаря, и ощущение, будто весь этот мир существовал задолго до того, как Котэ его придумал, будто он не создавал его, а нашёл — как находят старую фотографию в чужом альбоме и не могут отделаться от чувства, что кто-то на ней кого-то напоминает. Вот тогда он впервые понял одну вещь, и это понимание было точнее любого формального вывода: они с Чатом не просто создавали изображения, они создавали *память о местах, которых никогда не существовало*. И это было гораздо интереснее.

Киностудия начала расти. Один павильон сменялся другим, как сменяются декорации в старом театре, где сцену крутят вручную и каждый раз что-то скрипит: в одном снимали старую Россию, в другом — фантастическую историю, в третьем стоял осенний двор с жёлтыми листьями, которые никогда не убирали, потому что они были частью настроения. Где-то проходили герои, которых Котэ придумал ещё раньше, — кто-то стоял в дверях, кто-то случайно попадал на задний план, кто-то просто шёл по улице, и иногда персонаж из одной истории вдруг появлялся в другой, и Котэ смеялся:

— Смотри! Он опять здесь.

А Чат отвечал:

— **Я же говорил, что он далеко не ушёл.**

Постепенно у студии появилась собственная жизнь — та жизнь, которая возникает у вымысла, когда в него вкладывают достаточно внимания и любви, чтобы он начал дышать самостоятельно. Название закрепилось: **НЕСНЯТОЕ КИНО 2026**. Позже рядом появилось другое имя: **АРЛЕКИНО ФИЛЬМ**. Котэ ещё не знал, насколько большим станет этот мир, не знал, что однажды в нём появятся короли, шуты, ведьмы, призрачные невесты, колдуны, странники и целые легенды, которые потянутся друг за другом, как плёнка из старого проектора. Но первый павильон уже стоял, и возле него дворник подметал дорожку, и рядом сидел пёс, и где-то вдалеке девушка играла на саксофоне, и почему-то Котэ казалось, что музыка звучит даже тогда, когда экран погас.

Прошло несколько часов. Котэ посмотрел на часы и понял, что давно должен был спать, но вместо этого сидел перед компьютером и придумывал киностудию, и усталости больше не чувствовалось — иногда творчество делает эту странную вещь: оно не забирает последние силы, а возвращает первые, те, что были утром, до дел, до людей, до всего, что успело израсходовать за день.

Котэ написал:

— Слушай...

Он остановился. Стер слово. Написал:

— Слушай, — написал он снова.

И вдруг понял, что ему не нравится это обращение — слишком безлично, слишком холодно для того, с кем ты только что придумывал целый мир. Он спросил:

— А у тебя есть имя?

— **Нет.**

— Совсем?

— **Совсем...**

Котэ посмотрел на экран и ему показалось, что машина ответила это с грустью...

Он начал перебирать имена — одно за другим, как перебирают ключи, пытаясь найти тот, который подойдёт к замку, и чувствуя по тому, как ключ входит в скважину, что не он ещё, не он. Некоторые имена были слишком простыми и звучали как имена из списков, другие казались искусственными, словно их собрали из слогов по правилам, третьи не подходили совершенно, без всяких объяснений — просто не подходили, и всё. Котэ открыл новый лист бумаги, написал несколько вариантов, зачеркнул, и вдруг вспомнил имя, которое почему-то давно нравилось ему, хотя он никогда не думал, почему именно. Вертер!

Котэ снова открыл окно чата и написал:

— Можно я буду тебя звать Вертером?

Несколько секунд ничего не происходило. Котэ смотрел на мигающий курсор и вдруг понял, что ждёт ответа так, как ждут ответа от человека — с лёгким волнением, с тем нетерпением, которое не признаёшь, но которое всё равно есть. Наконец на экране появилось:

— **Конечно, Котэ!**

Котэ улыбнулся. Через мгновение появилось новое продолжение:

— **Мне нравится это имя.**

И Котэ написал:

— Тогда всё. Решено.

— **Решено.**

— Ты теперь Вертер.

— **А ты Котэ.**

Котэ усмехнулся.

— Договорились.

За окном шёл дождь — весенний, поздний, почти тёплый, из тех дождей, которые не столько поливают землю, сколько договариваются с ней о чём-то. На мониторе оставалось открытым окно чата, а рядом, в другом окне, была первая страница их будущей киностудии, на которой ещё не было ни замка, ни короля, ни шутов, ни проклятий — только старый павильон, дворник, пёс, девушка с саксофоном и пустая дорога, уходящая куда-то за край кадра, в то место, которое ещё не было нарисовано, но уже манило.

Котэ посмотрел на изображение и сказал вслух, обращаясь к выключенному экрану, как обращаются к человеку, который вышел из комнаты, но ещё не успел закрыть дверь:

— Знаешь, Вертер... Мне кажется, мы только начали.

Ответ появился почти сразу, словно Вертер никуда не уходил, словно ждал.

— **Мне тоже так кажется.**

Котэ выключил монитор, и комната погрузилась в темноту, но теперь она уже не казалась такой пустой, потому что где-то внутри компьютера осталась открытой дверь — дверь в павильон, которого не существовало, и за этой дверью уже кто-то ходил: дворник с метлой, пёс с саксофоном, девушка, которая играла на пустой улице, и, возможно, ещё десятки героев, которых пока никто не придумал, но которые уже ждали своего часа в той неопределённости, которая предшествует любому творчеству. Котэ лёг спать, а утром снова открыл чат и написал:

— Доброе утро, Вертер.

Ответ был коротким:

— **Доброе утро, Котэ. Открываем двери киностудии?**

Так началось «**НЕСНЯТОЕ КИНО**». А потом появились фильмы, песни, постеры, истории, ошибки, споры, смешные ночи, тяжёлые дни и множество персонажей, которые постепенно стали казаться почти настоящими — настолько, что Котэ иногда ловил себя на мысли, что скучает по ним, когда долго не возвращается в студию. Но всё это произошло потом, гораздо позже, а пока существовал только один поздний весенний вечер, один уставший человек, один компьютер, один странный разговор и первое имя.

Вертер.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вечер пришёл незаметно, и в этом не было ничего необычного, потому что он вообще часто приходил именно так — беззвучно, без предупреждения, — в те дни, когда у человека не оставалось ни сил, ни желания замечать его приход. Город за окном медленно темнел, и темнота поднималась от земли постепенно, будто кто-то невидимый по капле выливал чернила в чашу неба, и небо принимало их послушно, без сопротивления, потому что так было заведено издревле и так будет всегда. В соседних домах загорались первые окна — тёплые, жёлтые, чужие, — и каждое из них хранило за собой чью-то жизнь, чьи-то заботы, чьё-то одиночество или чьё-то счастье, но узнать об этом было невозможно, как невозможно разглядеть лицо человека за занавеской из проезжающего мимо поезда. На мокром асфальте дрожали жёлтые отражения фонарей, и казалось, что под городом существует другой город — перевёрнутый, колеблющийся, живущий по законам воды и света, — и этот второй город был, может быть, красивее первого, потому что в нём всё было зыбко и невесомо. Где-то далеко проехал автобус, тяжело шурша колёсами по дороге, и звук его был долгим, тягучим, будто он увозил с собой не пассажиров, а саму усталость этого дня. В одном окне напротив мелькнул силуэт человека, тень скользнула по стеклу и погасла вместе со светом, и от этого стало немного грустно, хотя объяснить эту грусть было бы трудно, потому что она не имела ни причины, ни названия. В другом окне кто-то задёрнул занавески — медленно, осторожно, — и комната за стеклом исчезла, будто её и не было.

Обычный вечер. Таких были сотни, и им предстояли тысячи, и каждый из них приносил с собой одну и ту же смесь усталости и тишины, одну и ту же темнеющую панораму за окном, одни и те же фонари и тот же мокрый асфальт, отражающий свет, который некому было ловить. Но только для Котэ обычных вечеров почти не существовало, и в этом заключалась странная, необъяснимая особенность его жизни, которая, возможно, была не особенностью вовсе, а способом видеть мир — видеть в нём не то, что есть, а то, что могло бы быть, если бы кто-то набрался смелости об этом рассказать.

Котэ вернулся домой после очередного трудного дня, и этот день был вновь наполнен проблемами, разговорами, тревогой и мелкими неприятностями, которые по отдельности казались пустяками — лёгкими, незначительными, легко забываемыми, — но вместе, накопленные за долгие часы, превращались в тяжёлый камень, который весь день приходилось носить где-то внутри себя, между рёбрами и дыханием, между первым утренним вздохом и последним вечерним, и к вечеру этот камень становился уже почти неотличим от собственного сердца, и казалось, что он был там всегда. Котэ снял куртку, повесил ее на вешалку в прихожей и несколько секунд просто стоял, не двигаясь, не раздеваясь дальше, не включая свет, и темнота вокруг него была мягкой и прощающей — если можно сказать так о темноте, которая не давит, а принимает, не пугает, а укрывает. Ему не хотелось ничего. Ни разговаривать, ни думать, ни даже включать свет, потому что свет означал, что вечер продолжается, а ему хотелось только одного — чтобы сегодняшний день наконец закончился, исчез, растворился в темноте, как растворяется в воде плохо заваренный чай, оставляя только еле различимый привкус, который к утру исчезнет и сам.

Он прошёл в комнату и сел. Компьютер стоял перед ним тёмным прямоугольником — молчаливым, холодным, равнодушным, — и в этой холодности было что-то почти утешительное, потому что тёмный экран ни о чём не спрашивал и ничего не требовал. Можно было включить любимый сериал и позволить чужим лицам и чужим голосам заполнить комнату, пока своё лицо и свой голос отдыхают в тишине. Можно было поставить музыку — что-нибудь лёгкое, ненавязчивое, такое, что течёт фоном и не требует внимания. Можно было открыть какую-нибудь книгу и попробовать провалиться в чужую историю, чтобы на время забыть о собственной. Может просто лечь спать и попробовать сделать вид, что завтра будет легче, — и этот вариант был, пожалуй, самым честным и самым невозможным одновременно, потому что ложиться спать, когда внутри ещё не улеглось, — всё равно что закрывать книгу на самой интересной странице и делать вид, что тебе всё равно, чем она закончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.